

НАТАЛЬЯ БАТРАКОВА

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература» представляет
в серии «Формула счастья» романы популярного автора
Натальи Батраковой:

Роман-диалогия «Территория души»

Книга первая. Территория души
Книга вторая. Возвращение любви

Роман-диалогия «Площадь согласия»

Книга первая. Площадь согласия
Книга вторая. Навстречу счастью

Сага о любви «Миг бесконечности»

Книга первая. Миг бесконечности
Книга вторая. Волшебный свет любви

НАТАЛЬЯ БАТРАКОВА

Жизнь бесконечности

Сага о любви

Книга первая

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б28

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Разработка художественного оформления *Екатерины Фerez*

Компьютерный дизайн *Анастасии Орловой*

Батракова, Наталья Николаевна.
Б28 Миг бесконечности. Сага о любви. Книга первая : [роман] / Наталья Батракова. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 448 с. — (Формула счастья).

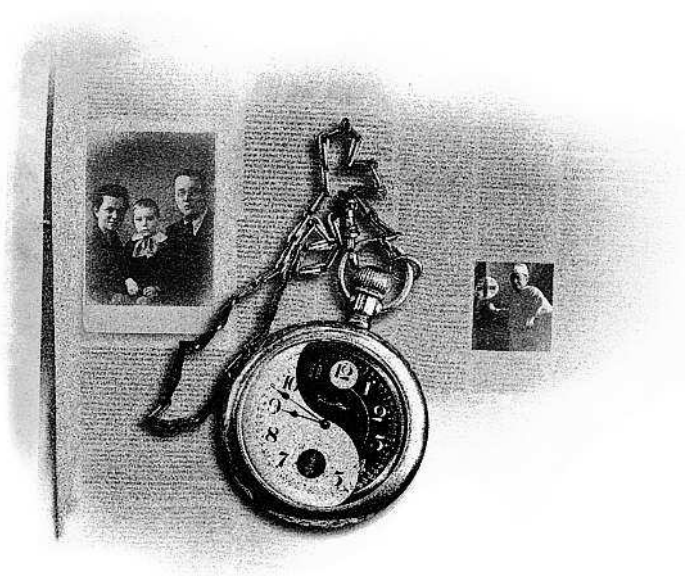
ISBN 978-5-17-093481-2

Вадим Ладышев появился в жизни Кати Проскуриной очень вовремя. До этого у нее было все — крепкая семья, любимая работа, полный материальный достаток. И вдруг ничего не осталось, кроме разбитой машины, синяков да швов на лице, безысходности и нестерпимой боли в душе. Казалось, единственный выход — спрятаться, отрезать себя от внешнего мира. Но Вадиму удается убедить Катю в обратном, вернуть к счастливой жизни и заставить снова поверить в любовь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093481-2

© Батракова Н.
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Памяти моего папы
и Лены Нарейко*

Часть первая

*И грянул выстрел... Наступили
Шесть дней, подведшие черту:
Мир, распадаясь на кусочки,
На части разрывал судьбу.
Вдруг оживали сновиденья,
Боролась истина и ложь,
Безгрешную изранив душу.
Спасти её чудом удалось...
Как выжить в холоде и мраке?
И много ль дней пройдет и лет,
Когда над выжженной пустыней
Взойдет спасительный рассвет?..*

1

...Катя вышла на лесную опушку, замедлила шаг, осмотрелась и замерла, очарованная открывшимся пейзажем: вокруг высоченные ели, уходящие в небо, стена берез и осин, у самой земли — непролазные заросли кустарника. Пробиваясь сквозь пожелтевшую густую листву, лучи осеннего солнца то прерывались, то вновь слепили глаза, нежным шелковым покрывалом опускались на пожухлую траву и серебрились на ней тончайшими нитями паутины. Будто кто-то невидимый тщательно расчесал их огромным гребнем. Многоярусный лесной пейзаж пленял необычайной торжественной тишиной, убаюкивал, погружал в свое сладостно-немое спокойствие — ни шелеста, ни шороха, ни звука.

Неожиданно налетел резкий порыв ветра, за спиной раздался приглушенный треск. Катя обернулась и заметила крадущегося за кустами охотника: пятнистый камуфляж, опущенная до бровей такой же расцветки трикотажная шапочка. Вдруг он остановился, напряженно прислушался, быстро вскинул ружье и навел его в сторону женщины. Две черные дырочки уставились на нее бесстрастными холодными зрачками и, точно в анимационном фильме, вдруг стали увеличиваться в размерах. Выглянувшая из них пугающая бездна клетку за клеткой парализовала Катино тело, мысли, заблокировала дыхание. Одержав полную

победу над жертвой, неведомая магическая сила заставила ее перевести взгляд ниже, на спусковую скобу, на медленно опускавшийся палец, прорезанное в перчатке отверстие, розоватый, аккуратно подпиленный ноготь...

«Это я! Не стреляйте!» — захотелось ей крикнуть, но смертельный ужас не позволил губам даже шевельнуться.

Вырвавшийся из горла хриплый, захлебнувшийся звук лишь на долю секунды опередил грохот выстрела...

...Катя Проскурина широко распахнула глаза, подхватила, рывком присела на кровати и тут же зажмурилась от яркого солнечного света. Откуда-то снизу доносился затухающий металлический звук.

«Крышка от кастрюли, — догадалась она, когда характерный звук стал стихать. — На плитку упала... — и сама рухнула на подушку. — Ну и жуть приснилась! Да уж, таким впечатлительным и слабонервным, как я, категорически противопоказаны на ночь охотничьи байки!»

Парализующий страх отпускал медленно. Дождавшись, когда бешено стучащее сердце вернется к нормальному ритму, она снова открыла глаза и, близоруко щурясь, осмотрела комнату: две деревянные кровати, два кресла, придвинутых вплотную к письменным столам, расстегнутые спальники посередине ковра, распотрошенные дорожные сумки в углу, прикрепленные кнопками детские рисунки на стенах и прямо над ее кроватью — золотистая металлическая чеканка.

«Что-то знакомое, — задержала на ней взгляд Катя и, пошарив рукой под кроватью, нащупала футляр с очками. — Кажется, у нас была такая».

И в самом деле, чеканка один к одному повторяла ту, что кочевала вместе с семейством Евсеевых по военным гарнизонам. В памяти тут же всплыли картины детства: неуютные офицерские квартиры с выдавшей виды ме-

белью, огромные коробки с вещами и книгами, из-за которых во время переездов спорили родители: места в контейнере, как правило, было немного, а каждый обязательно хотел взять с собой что-то свое, любимое. Спорили и из-за чеканки с неприятным рисунком: девушка с распущенными волосами, над которой завис кленовый листок.

Кто и когда подарил ее маме, Катя не знала, но этот кто-то папе явно не нравился. Ну а после того, как восемь лет назад мама умерла, девушка с кленовым листком куда-то исчезла. Во всяком случае, после переезда отца в Ждановичи чеканку она точно не видела.

«Любопытно, куда она подевалась? Надо поинтересоваться, — непроизвольно настроилась она на ностальгическую волну, но тут же себя остановила: — Стоп! Сегодня — никакой грусти, никаких воспоминаний! Я приехала отдохнуть! И куда это Ленка с Милой подевались?» — забеспокоилась она.

Судя по взрывам смеха, долетавшим снизу, Лена Колесникова, Людмила Полевая и хозяйка Яна развлекали себя разговорами на первом этаже двухэтажного коттеджа, какие в свое время строили для чернобыльских переселенцев.

«Половина двенадцатого! — подняла руку с часами Катя. — Ничего себе заспалась! Хотя... Надо сказать спасибо девчонкам, что не разбудили. А Ленке — отдельное спасибо за то, что вытащила на выходные из города».

Сладко зевнув и потянувшись, Катя откинула стеганое одеяло, ступила на ковер, достала из сумки халат, прихватила косметичку, чехол с линзами и направилась в душевую.

«Раз уж сегодня день отдыха, то отдохнем и от косметики, — решила она, рассматривая свое отражение в зеркале. Аккуратно промокнула лицо полотенцем, не спеша нанесла тоник, сыворотку, крем. — Мое лицо,

пожалуй, — главное мое достоинство, если иметь в виду внешность».

Что правда, то правда. От природы ей достались чистая, светлая кожа, которой с юности завидовали подружки, большие серо-голубые глаза, пухлые губы, белозубая улыбка, маленький курносый носик, светлые льняные волосы. Судя по фотографиям и рассказам старших, в детстве она вообще напоминала белокурую куклу. Брови и ресницы, конечно, немного подкачали, но не беда: раз в месяц их можно подкрашивать в парикмахерской. Макияж Катя предпочитала легкий, почти прозрачный, чтобы только подчеркивал природную нежность и свежесть.

Подруг Катя отыскала на кухне.

— А вот и наша соня! Давай сюда! — обрадовались они ее появлению.

В руке каждая держала по бокалу с красным вином. Бутылка на столе явно была из знаменитой винной коллекции мужа Лены: управляющий банком Игорь Николаевич Колесников слыл гурманом, покупал, а чаще заказывал элитные вина с самых лучших виноградников мира.

— Ничего себе! — охнула Катя, внимательно рассматривая этикетку на бутылке. — Порто, восемьдесят шестой год! Жаль, что я не могу оценить его вкус, — вздохнула она.

— Твое белое на веранде, — подсказала подруга, она же соседка по подъезду, Лена Колесникова. — Катька у нас пьет либо коньяк, либо сухое, — объяснила она хозяйке, проводившей Проскуруину удивленным взглядом. — Очень удобный гость, все свое возит с собой.

— А я дык красное люблю. Сладкае.

Хозяйка Яна, как и большинство в глубинке, говорила на «трасянцы» — смеси белорусских и русских слов, притом с характерным местным акцентом, порой режущим слух. Но речь Яны из-за необыкновенно красивого, грудного тембра голоса звучала мило и гармонично.

— Раньше она тоже его любила, но после кучи лекарств заработала аллергию. В том числе и на красное вино.

— А чым яна так балела?

— Забеременеть не может, — понизила голос Лена. — Но при ней про это — ни гу-гу: очень переживает. Врачи и ее, и мужа сто раз обследовали, сказали: все у вас в порядке, ждите. Вот они и ждут уже десять лет.

— Бедненькая, — покачала головой хозяйка. — Як жа ж без дзетак? У мяне вунь трое. Я б і яшчэ радзіла, ды гэтых трэба на ногі ставіць. Старшаму на будучы год у інстытут... Ай-яй, як жа ж без дзетак!

— Ничего, даст Бог, родит, — совсем не по-гурмански закусывая элитное вино соленым огурцом, успокоила Людмила Полевая. — Зато не надо на аборты бегать и травиться пилюлями! Это мужикам удовольствие, а нам, бабам, одни проблемы.

— Ну чаму праблемы? Яно ж і нам прыятна... — так и не решившись закончить фразу, Яна зарделась. — Мой Грышка дык такі ласкавы ў пасцелі.

— Все они ласковые, когда хотят, — недобро сощурилась Людмила, — и, заметьте, с любой, кого в эту постель затащат. Особенно если молодая и длинноногая!

— Та-а-а-к! Милке больше не наливать! — Лена отодвинула от нее пустой бокал. — Ну сколько можно? Уже дырка в голове от твоей ревности! «Молоды-ы-е, длинноно-о-гие!»... — передразнила она. — А чем мы хуже? К тому же опыта у нас — любого! — явно побольше. Катя, ты куда пропала? — нетерпеливо прокричала она в сторону веранды.

— Едва нашла, — тут же показалась Проскурина в проеме двери. — Холодненькая, — присев за стол, коснулась она щекой бутылки. — А когда мужчины должны с охоты вернуться?

— А хто іх знае? — пожала плечами хозяйка и кивнула на видневшийся за окном микроавтобус. — Шафёра ў хату

звала — не захачеў, у машыне астаўся. А мужыкі пакуль каго не прыстрэляць, з лесу не вылезуць. Раней, чым у чатыры, прасілі за імі не ехаць.

— Далёко охотятся?

— Адсюль кіламетраў сорок. Акрамя ваших ды нашых, месных, да егера Міхалыча, сенья на ахоту яшчэ людзей панаехала. Хто толькі сюды не ездзіць: і артысты, і палітыкі, і прафесары разныя! Міхалыч майму Грышку дваюрадным дзядзькам будзе. Жонка яго даўно памерла, а сын летась ажаніўся. Нявестка — дзеўка маладая, прыгожая, тэхнікум скончыла. Тры дні вяселле гулялі госці са ўсёй Беларусі прыезджалі! Ды якія імянітыя! А нявестчыны падругі як усім спадабаліся! Вясёлыя...

— И часто эти подружки к невестке егеря приезжают? — миглом помрачнела Полевая.

— Не ведаю, мабыць, і часта. Міхалыч — ён строгі, але нявестку любіць. Цяжка ёй адной у вёсцы, яна ж сама з райцэнтру.

— Та-а-а-к... Пусти козла в огород... Придется мне ехать с водителем. Дай сигарету, — попросила она Прокуруину.

— Ты же бросила! — Колесникова раздосадованно махнула рукой. — Ненормальная! Они там в лесу за день так выбегаются, что не до баб!

— Кому не до баб, а кто, как увидит козу на двух ногах, так и норовит ее уложить.

— Фу! — скривилась Ленка, почувствовав неловкость перед хозяйкой. — Не слушайте ее. У нашей Людмилы большое воображение: ревнует своего Пашку к каждой юбке. А вот что мне тогда делать? У моего Игоря две трети сотрудниц банка — красавицы, умницы и не замужем. А у твоего Полевого даже задрипанной секретарши нет! Разве что появится какая-нибудь гримза ближе к пенсии. Если ректором станет.

— У майго Грышкі ё секретарша... Ну і што з таго? — не поняла Яна.

— И сколько ей лет? — криво усмехнулась Мила.

— Юбілей у будучым годзе. Пяцьдзясят.

— Пяцьдзясят... А если пятьдесят — по двадцать? Я имею в виду студенток! А еще заочницы, аспирантки. То зачеты, то консультации, то заседание кафедры, то совещание... А то и домой припрутся, якобы за рецензией! «Павел Валентинович, Павел Валентинович!» — передразнила она воображаемых студенток и провела ладонью по шее. — Вот где они у меня сидят, шлюхи недоученные! Так что не надо нам ни ректорства, ни секретарши! Был бы уродом — и никаких проблем.

К счастью или несчастью, сорокасемилетний Павел Полевой действительно был красивым мужчиной. Гордая статья, орлиный нос, пронзительные голубые глаза, летящая походка, завораживающий голос, волнистая темная шевелюра с легкой проседью. Да еще ума палата! Невысокая, плотненькая Людмила внешне конечно же ему проигрывала. Но ведь чем-то она его покорила в свое время! Задором, молодостью, а может, способностями? Молоденькая аспирантка два года ходила у Павла Валентиновича в любимицах!

Правда, по прошествии одиннадцати лет замужества она призналась подругам, что в сравнении с мужем чувствует некую ущербность: заброшенная из-за рождения детей недописанная диссертация давно утратила свою актуальность, плюс десятилетнее сидение дома...

— А по-моему, ты и уroda ревновала бы к каждому столбу, — вступила в разговор Катя. — Потому что главная причина не в нем, а в тебе, в твоей неудовлетворенности собой. Мы тебе сто раз говорили: выходи на работу.

— Да кому я нужна — экономист без стажа?! Тридцать семь лет, а ни дня еще не работала — семинары в аспирантуре не в счет.